

Итак, мы продолжаем жизнеописание о. Владимира Шамонина. Раздел о времени его служения настоятелем Бар-Градского храма оказался у нас самым громадным. Таким же он останется и до конца нашего цикла (если нам удастся окончить его публикацию). Это связано с тем, что во-первых, «богата» оказалась история храма (несмотря на её непродолжительность), во-вторых, сам он являлся уникальным артефактом русской культуры своего времени, артефактом утраченным, и потому необходимо было затронуть его историю со всей возможной подробностью, ну, и в-третьих, интересна история и бытование одной из самых известных святынь нашего города в 20-х годах XX века – чудотворной иконы «Скоропослушница Невская», о которой мы также со всей возможной степенью подробности рассказали в нашей публикации. Необходимо было коснуться и взаимоотношений о. Владимира и прихода с обновленческим движением в Российской церкви – без этого история жизни о. Владимира была бы неполной и необъективной.

Все последние годы существования храма с избрания на пост настоятелем 9 июля 1922 г. до его закрытия – 7 марта 1932 г. о. Владимир был его хранителем и хранителем святой иконы в храме находящейся. Продолжая рассказ об этом периоде службы батюшки, мы коснёмся тех подробностей жизни прихода, о которых не рассказали в предыдущих частях и биографий тех, с кем сослужил батюшка в храме.

Протоиерей Алексий Верзин (1895-1975)
Фото конца 1960-х гг.

Спасо-Парголовский протоиерей Владимир Шамонин (Материалы к жизнеописанию)

Часть 18 ■ О. ВЛАДИМИР ШАМОНИН И СОСЛУЖИВЦЫ. ПРИЧТ БАР-ГРАДСКОГО ХРАМА

Об избрании о. Владимира Шамонина настоятелем мы уже писали. До этого момента с приходом он, скорее всего, не был никак связан, а настоятелем был умерший в тюрьме от тифа о. Виктор Петрович Семёнов (1865-1922), о нём мы уже писали в части 11-ой.

На момент прихода в храм, там по штатному расписанию служило три священника (считая настоятеля) и два диакона. Это были иеромонахи Гавриил (Думяни) и Дамиан (Воронов), иеродиакон Митрофан (Прокопшин-Гулько) и диакон Василий Мантров (служил в храме до середины 1923 г., был переведён на другой приход после конфликта с о. Гавриилом).

Иеромонах Гавриил (Думяни) был сириец по рождению. Одной из обязанностей его на Бар-Градском приходе была «организация дела помощи бедным, тарелочный сбор в праздничные и воскресные дни». В 1925 году он выехал в отпуск в Сирию и не смог вернуться – в начале 1926 г. он писал прошение на имя о. Владимира, как настоятеля о продлении отпуска, отпуск ему был продлён. Однако уже к 20 января того же года в храм пришло его заявление о снятии с него священнических обязанностей на приходе – он решил остаться на исторической родине (или же ему воспрепятствовала вернуться власть, отказывая в разрешении на въезд). Гавриил (Думяни, 1891-1966), выпускник СПбДА 1918 г. по первому разряду (последний выпуск) умер митрополитом Латакийским (Антиохийская Православная Церковь).

Про иеромонаха Дамиана (Воронова), выяснить пока ничего не удалось. Однако, при о. Владимире служил он совсем недолго. На конец февраля 1923 г. на его месте уже числился молодой священник Алексий Иоаннович Верзин (1895-1975). Сын священника Иоанна Верзина (1855-1928, на его похороны на Никольском кладбище Лавры помочь выделил Бар-Градский приход, о чём в архиве сохранился соответствующий документ), он был рукоположен во священный сан уже после революции, в 1921 г. В Бар-Градском храме служил до самого его закрытия, затем вместе с о. Владимиром перешёл в Борисоглебскую церковь. Арестован в том же 1933 г., что и о. Владимир, но по другому делу. Приговорён к ссылке в Казахстан на три года. И дальше судьба о. Алексея была очень схожа с судьбой о. Владимира. Чудом он пережил Большой Террор 1937-1938 гг. Так же на волне послевоенной «церковной оттепели»

о. Алексей вернулся к священническому служению в 1946 г. Служил настоятелем в соборе Рождества Богородицы в Новой Ладоге, затем в 1960-е годы был настоятелем церкви св. Иова Праведного на Волковском кладбище и церкви на Серафимовском кладбище. Последнее место его служения – Свято-Троицкая церковь во Всеволожске. В 1958 г. был полностью реабилитирован.

В воспоминаниях об о. Владимире, основанных на его рассказе, дочь Зоя Владимировна Шамонина пишет: «Прежний священник, служивший один в этом храме, когда он был домовым, теперь оказался на втором месте. Он возненавидел отца Владимира, несмотря на его особенно добре отношение к себе, и всячески старался опозорить его клеветами, ложными доносами. Вспоминается мне такой давний случай: Прощеное воскресенье; отец Владимир тяжело болен; матушка Варвара пошла в храм сообщить,

упоминали, находилось несколько келий для иеромонахов. Но дело тут не в какой-то злонамеренности в искажении фактов Зоей Владимировной Шамониной, а скорее в изменчивости памяти, ведь по стилю текста видно, что автор не сразу записывала слова отца, а припоминала их, да и о. Владимир был уже в преклонных годах, вспоминая прошедшее 30 лет назад. Отсюда – искажения. Однако, конфликты были, и они ложились на плечи настоятеля и он их мудро «разруливал», хотя они и доставляли много переживаний.

В документах прослеживается история двух конфликтов, один из которых мы уже упоминали – это конфликт между диаконом Василием Мантровым и о. Гавриилом (Думяни), а второй – связан со священником Леонидом Пантелеимоновичем (Пантелеевичем) Гуричем, выпускником Таврической Духовной Семинарии (1913) и СПбДА (1917). Известно одно его место

служения – домовая церковь в доме графа Шереметева на Шпалерной ул., д. 18 (с 1914 по 1917 гг.). Возможно, именно поэтому Зоя Владимировна и вспомнила в связи с этим о «домовом храме». Не исключено, что о. Гурич до этого некоторое время служил (при предшественнике о. Владимира, между 1917 и 1922 гг.) в Бар-Градском храме. Сразу же после того, как стало ясно, что о. Гавриилу (Думяни) не удаётся вернуться в Советскую Россию, он пишет прошение «о принятии обратно в причт храма с просьбой о прощении» (13 января 1926 г.). 20 января на приходском собрании решено «временно исполнения обязанностей священнослужителя

поручить свящ. Л. Гуричу», но «об окончательном замещении вакансии священника иметь суждение впоследствии». При этом отклонили несколько заявлений священников. Их, оставшихся без места в Ленинграде, было очень много.

Суть конфликта была в том, что о. Леонид страдал обычным русским недугом – винопитием...

Однако, история о «единственном священнике домового храма, обиженного на то, что он оказался на втором месте» не подтверждается. Как мы видим по архивным данным, никакого подобного священника не было, предыдущий настоятель мученически закончил жизнь в тюрьме, обвиняемый по одному делу со сщмч. митрополитом Вениамином и храм был не «домовым», а относился к категории храмов религиозно-просветительских обществ. У него был всегда не маленький, по сравнению с другими храмами такого размера, причт, а в нижней, полуподвалной части храма, наряду с «палатой попечительства», оформленной, как и храм, в великолепном древнерусском стиле, о чём мы уже

что он умирает; священник потрясен, кается перед матушкой и всем народом.»

В этот период – после триумфальной победы над обновленчеством, которая была бы окончательной, если бы раскол в церкви не был выгоден богооборческой власти – ею поддерживалась неразбериха в церковном управлении – было непонятно, кто в епархии может претендовать на епископскую над ней власть. Государство регистрировало 20-ки, с ними заключало договора на эксплуатацию храмов и им «поручала найм» священников. Епископат никак офи-